

Рахманинов С. В.

4/89

наши публикации

Джон Бойнтон Пристли

ОСОБЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Сов. Россия - 1989 - 4 кнв - С. 4.

В издательстве «Прогресс» заканчивается работа над книгой «Заметки на полях» Дж. Б. Пристли. Однотомник известного английского писателя и драматурга XX века дает возможность советским читателям впервые познакомиться с творчеством Пристли-эссеиста, одного из самых ярких представителей классической традиции этого жанра.

Жанр эссе — разговора запросто, короткой изящной зарисовки — как нельзя лучше соответствует темпераменту Пристли — энергичному, требующему немедленного выхода. К тому же он от природы наделен драгоценным даром — умением непредвзято, как будто бы в первый раз взглянуть на явление. О самом известном он говорит с такой искренностью и неподдельной заинтересованностью, что заставляет себя слушать, — а это удается немногим.

Сегодня мы знакомим читателей с отрывками из его сборника «Особые наслаждения», изданного в семидесятые годы. Его составили короткие эссе — портреты актеров, музыкантов, художников, композиторов. Некоторых Пристли близко знал, с другими ему довелось вместе работать в тридцатые годы, когда он организовал собственную театральную труппу.

Точный, легкий, полный скрытой иронии стиль, превосходное владение материалом помогают ему по-новому показать знакомые лица, найти «болевые» точки в современном искусстве.

Как уберечь человека от грозящего ему духовного оскудения, как пробудить в нем, заблудившемся в зарослях технических чудес, хотя бы воспоминание о духовности? — горестно вопрошает Пристли.

«Хочется надеяться, что читатель, перевернувший последнюю страницу этой книги, откроет для себя нового Пристли», — пишет в предисловии к сборнику литературовед Е. Гениева. Редакция разделяет это мнение и сообщает, что книга появится на прилавках уже в начале этого года.

О Сергее РАХМАНИНОВЕ

Исповедь о том, как стремятся победить отчаяние

Давным-давно, еще подростком, я видел Рахманинова и слышал его исполнение. Это было незабываемое зрелище. Он не был грузным или лохматым, или тем и другим одновременно: ведь обычно такими представляли перед нами виртуозы; сухоощавый, с тонкими чертами лица, коротко стриженный, он вовсе не думал о том, как бы поразвлечь нас и себя. Тогда он был обречен каждый вечер играть Прелюдию до-диез-минор, над которой я как раз в то время мучился сам. Позднее я понял, что все музыкальные критики, за исключением самых прозорливых, постоянно недооценивали его как композитора только по той причине, что он пользовался успехом: чрезвычайно глупая причина. (Бетховен ведь был еще более популярен). Если бы я на самом деле обладал той интуицией, которой, как мне часто кажется, я обладаю, в те давние годы я понял бы — этот худощавый скромный человек окружен трагической аурой, я почувствовал бы: передо мной талант, обреченный на страдание. Но я ничего не понял, вот вам и интуиция.

Когда произошла Октябрьская революция, Рахманинову было за сорок, он не вернулся в Россию и начал в 1918 году в Америке новую жизнь — стал выступать с сольными концертами, поскольку был пианистом экстра-класса. Следует упомянуть два факта, определивших тот период его жизни: он ничего не писал долгие годы, а, возвращаясь с гастролей, жил среди русских эмигрантов в Южной Калифорнии. Я бывал там и не могу отделаться от чувства, что этот выбор — как для Рахманинова, так и для других беженцев — оказался роковым. В Южной Калифорнии искусственный, пластиковый образ жизни, мрачная природа; трудно найти место, более контрастирующее с родными местами любого из нас, где все для нас тождественно, все связано с воспоминаниями детства и юности. А в Южной Калифорнии будто налажено производство чудовищного валового продукта — горечи разочарования и тоски по дому. Тут словно нарочно все предназначено для того, чтобы у русских болела душа по России, занесенной зимой снегами, запорошенной

летней порой пылью, чтобы, вспоминая о ней, о родной березе, они начинали плакать. У меня ощущение — никто так не тосковал по родным местам, так не стремился домой, как Сергей Рахманинов, обреченный на старость в чуждом ему мире.

Послушайте его Третью симфонию, написанную много лет спустя после Второй, — и согласитесь, что это не просто мое ощущение. Ему уже было за шестьдесят. Критика плохо приняла симфонию, заявив, что она старомодна и к ней не стоит относиться всерьез. Но будучи слушателем-литератором, не искусственным в модернистских изысках, я отнесся к ней серьезно. Музыка, достойную называться музыкой, пишут не компьютеры, а люди, надеющиеся и потерявшие надежду, радующиеся и страдающие. Третья симфония — самое яркое и самое честное воплощение в музыке (насколько я знаю музыку) борьбы, изначально обреченной, борьбы с болью и отчаянием, что приходят вместе с тяжелой, захлестывающей тоской по родине. В ней мука немолодого уже человека, сознающего, что ему никогда уже не вернуться домой. За исключением первых фраз пролога первой темы и нескольких отголосков этой темы много позже в Adagio, симфония лишена сентиментальности. (Чайковский, думаю, непременно бы включил одну другую русскую песню). Мы явственно слышим исповедь о том, как стремятся победить отчаяние, «вкусить» плоды американской славы — к примеру, начало финала Allegro, — но вот мы слышим слабые, далекие звуки духовых инструментов, потом обреченно звучащие медные трубы — битва снова проиграна. Нет, это произведение — не дитя разума, как, к примеру, «Жизнь изгнанника» Рихарда Штрауса; очарование симфонии, ее необычная открытость, обнаженность — плод неосознанного порыва души. Я не берусь утверждать, что это великая симфония, просто ни с каким другим музыкальным произведением сравнить ее невозможно — так явственно и зримо предстают в ней оглушительная боль и глухое отчаяние человека, мучимого, как мучилось столько других, тоской по родине.

181